

№ 4 (апрель), 2016г.

Рейкьявик – полная сдача позиций СССР

Бахытжан АУЕЛЬБЕКОВ

Часть II

(Продолжение. Начало в № 3, 2016 г.)

Состоявшаяся 30 лет назад в Рейкьявике встреча на высшем уровне между лидерами США и СССР – Рональдом Рейганом и Михаилом Горбачевым – по сути, дала старт к капитуляции Советского Союза и последующему его распаду. Ретроспективно просто поражаешься неспособности первого и последнего президента СССР отстаивать интересы своего государства и, похоже, неспособности даже понять, в чем эти интересы заключаются. Будущие историки будут долго ломать голову над тем, каким образом СССР ухитрился сдать все позиции, хотя для этого не было никаких предпосылок.

Продолжим рассказ, начатый в предыдущей части настоящей публикации. В 1981-м году президентом США стал Рональд Уилсон Рейган, бывший киноактер, впоследствии губернатор штата Калифорния. Рейган был одержим мыслью разгромить Советский Союз и при этом страдал болезнью Альцгеймера (прогрессирующее слабоумие), сочетание исключительно опасное, если учесть, какой пост он занимал. Американский исследователь Петер Швейцер пишет: «Один из бывших советников по делам национальной безопасности вспоминал: «Порой мы задумывались, а все ли понимает президент из того, что говорит Билли (Уильям Кейси, шеф ЦРУ. – Б. А.), и перед какими решениями ставит страну одним кивком головы» (Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995).

Команда, которую привел Рейган в Белый дом, была ему под стать и полностью разделяла взгляды своего шефа. Собственно, для рейгановцев борьба против СССР была единственным содержанием их политики, все остальное их просто не интересовало. Главным «закоперщиком» в этом стал глава ЦРУ, опытный разведчик Билл Кейси. Во время Второй мировой войны он служил в УСС, Управлении стратегических служб, предтече ЦРУ. В 1943 г. Кейси стал консультантом УСС по вопросам экономической войны. А борьбу с СССР воспринимал как свое личное дело. «Он делал все, что мог, чтобы досадить Советам, – вспоминал Дональд Риган, бывший министр финансов в правительстве Рейгана, а также руководитель аппарата Белого дома. – Он постоянно думал об этом, он был просто помешан на этом».

Понимая, что в прямом военном столкновении победить СССР невозможно – погибнут оба противника, Кейси решил сделать ставку на психологическое оружие – постараться сломить советских руководителей психологически.

Как пишет Швейцер, в ЦРУ тогда работал отдел психологических исследований. Билл Кейси потребовал от него четких ответов на недвусмысленные вопросы. Какой видит Америку Советский Союз? Чего боится Москва? Велика ли ее способность восстанавливать силы и оправляться после поражений? Политологи, психологи и психиатры ЦРУ без усталости перелопачивали массу открытой информации и разведанных, готовя подробнейшие политико-психологические портреты советской элиты. В первую очередь под «увеличительное стекло» попадали члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари Центрального Комитета партии, наиболее влиятельные чиновники ключевых министерств. Исследовался их интеллектуальный и физический потенциал,

степень влияния, особенности характера, слабые и сильные стороны. Словом, шел поиск рычагов влияния на высших сановников СССР в интересах Америки («Новости разведки и контрразведки», № 11 – 12, 2006). Заводились, например, такие вот анкеты на ключевые советские фигуры:

1. Как объект изучения относится к США, оценивает их внутреннюю и внешнюю политику?

2. Чего человек боится в политической и повседневной личной жизни?

3. Насколько быстро и в какой степени может восстанавливать работоспособность и вообще жизненную активность?

4. Как остро объект реагирует на поражения и потрясения, как скоро оправляется от нанесенных ему политических ударов, психологических травм и имущественных потерь?

Вскоре Билл Кейси предложил свой план действий против Советского Союза, который был полностью одобрен рейгановской администрацией. «На... встрече Рабочей группы по национальной безопасности (National Security Planning Group, НСПГ) ... решено, что администрация должна начать тайную психологическую операцию, которая использовала бы слабые места русских. Советы боялись Рейгана, считая его «лихим ковбоем». Ричард Аллен в период формирования правительства встретился с советским послом Анатолием Добрыниным. «Они считали, что имеют дело с первоклассным сумасшедшим, – вспоминал Аллен. – И были смертельно испуганы» (Швейцер П.). (Ричард Аллен – главный советник Рейгана по национальной безопасности.) Новая администрация Белого дома полагала, что нужно поддерживать этот образ.

«Держать Советы в уверенности, что Рейган не в своем уме, – было нашей стратегией», – вспоминал Аллен, Это была идея, выдвинутая покойным футурологом Германом Ханом. Он сравнивал битву сверхдержав с опасной игрой, в которой две машины идут на таран. Ни одна, ни вторая сторона не хотят столкновения, но ни одна, ни вторая не хотят свернуть. Но в конце концов кто-то должен это сделать, чтобы избежать катастрофы. Хан достаточно лаконично сформулировал: «Никому не захочется играть во что-то подобное с сумасшедшим». Таким образом, образ безумного ковбоя с точки зрения стратегии был весьма кстати. На той встрече Рабочей группы, о которой рассказывает П. Швейцер, были обсуждены и детали неофициальной, широко спланированной и подогнанной во всех деталях операции психологического давления (PSYOP). Ее целью было так повлиять на образ мысли Кремля, чтобы тот ушел в оборону и таким образом менее всего склонялся бы к рискованным действиям. Грубо говоря, американцы решили взять Советский Союз «на понт».

Известный американский исследователь Ноам Хомски пишет: «Этот доклад воскрешает никсоновскую «теорию сумасшедшего»: наши враги должны осознавать, что мы безумны, безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле».

Учитывая особенности психики Рейгана и его актерское прошлое, изображать сумасшедшего ему было совсем не трудно. «Самое опасное здесь в том, что, как отмечено во всех исследованиях манипуляции сознанием, со временем и сами манипуляторы подпадают под действие своих технологий, и их сознание действительно деформируется. Маска «сумасшедшего с бритвой в руке» все сильнее влияет на тип мышления. Еще сильнее это сказывается на тех, кто учится у этих манипуляторов. Маска становится их лицом. (Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. М.: Эксмо, Алгоритм, 2007).

Мы уже говорили о том, какие действия собирался предпринять в этой ситуации Юрий Андропов с тем, чтобы вызвать на Западе политический кризис и заставить США изменить свою внешнюю политику. План этот был дерзким, нестандартным, асимметричным и почти наверняка принес бы успех. В любом случае будь он реализован, рейгановская администрация уже не смогла бы продолжать действовать в прежнем духе. Однако 9 февраля 1984 года Андропов отошел в лучший мир, и вскоре у руля государства

встал Михаил Горбачев. А к этому времени как раз и Рейган подрос со своей программой СОИ – Стратегической оборонной инициативы. 8 марта 1983 г. он публично назвал СССР «империей зла», используя язык и энергетику культовой киноэпопеи «Звездные войны» Джорджа Лукаса. А двумя неделями позже объявил о программе создания защитного космического «зонта» над Америкой, призванного сбивать советские ракеты. Говорил нарочито туманно. Так, чтобы было непонятно, какими будут эти «звездные войны». Так, чтобы в Москве разыгралось воображение. (Неофициальное название СОИ – «Звездные войны» придумал сам Рейган, сказавшись голливудское прошлое.)

Самыми яркими в речи Рейгана стали два момента. Первое: «звездные войны» позволят американцам забыть о кошмаре стратегии взаимного уничтожения. Второе: Рейган призвал американских ученых созвать космическое оружие, которое сделает ядерные боеприпасы устаревшими и бесполезными. Самое интересное, что даже в Пентагоне в тот момент не знали, какой должна быть новая противоракетная оборона! За речью Рейгана не имелось ни поддержки военного ведомства, ни глубокой научно-технической проработки. Публичное выступление Рейгана готовилось в строжайшей тайне даже от собственных генералов с помощью заместителя советника президента по национальной безопасности Роберта Макфарлейна. Макфарлейн стал достойным соавтором американского лидера. Он сам печатал текст речи президента на машинке.

Идея СОИ высказывалась давно. За нее Рейгана агитировал «отец» водородной бомбы Эдвард Теллер. В начале 1981-го в НСПГ пришел энтузиаст космической ПРО, глава общественной группы «Высокий фронт» генерал Дэниел Грэхем. Он встретился с президентом и членами Совбеза, однако дальше разговоров дело не пошло.

Толчком к началу событий послужил разгром, который в декабре 1982 г. учинил конгресс США по отношению к планам Рейгана начать финансирование новых программ ракетно-ядерного вооружения. Именно после этого один из членов рейгановской команды, контр-адмирал Джон Пойндекстер, переговорил с Робертом Макфарлейном. И без обиняков предложил СОИ как выход из тупика. Смысл его соображений был таков: со времен президентов Никсона и Форда мы, американцы, вели гонку вооружений, которая была выгодна Советам. Ракеты – слишком простое оружие. Оно не позволяет задействовать главное преимущество США – развитые технологии. Вот тут, изменив направление гонки вооружений с ядерного оружия на космические системы, задача вырисовывалась четкая: нужно перебросить средства из бесполезной гонки ядерных вооружений в перспективную противоракетную оборону.

Американцы презентовали СОИ громко, на весь мир. Смысл был прост – развернуть в околоземном пространстве целые космические группировки, эскадры боевых спутников, управляемых сверхбыстрой компьютерной техникой. Что должно было войти в этот космофлот? Во-первых, спутники с управляемыми ракетами на борту, предназначенными для перехвата больших ракет. Во-вторых, аппараты с электромагнитными пушками.

Принцип их действия прост. Электромагнитная пушка была известна еще в 30 – 40-х годах. Вместо стальной трубы – ствол, в котором снаряд толкают расширяющиеся при сгорании пороха газы, у такого орудия проектировались длинные, наподобие рельсов, направляющие. А роль пороха должны были сыграть расставленные вдоль «ствола» сильные электромагниты – соленоиды, которые, включаясь поочередно, тянули за собой снаряд, разгоняя его до сверхскоростей. Но на земле такие пушки оказались неэффективными. Слишком много электроэнергии им требовалось, чтобы сравниться хотя бы с обычной полевой пороховой пушкой. Непреодолимой препоной становилось сопротивление атмосферного воздуха. В космосе – иное дело. Вакуум, сопротивления воздуха нет. А если стрелять по ходу движения спутника, на котором поставлена электропушка, то к скорости снаряда добавится скорость самого орбитального аппарата.

Оставалось только найти малогабаритный, но мощный источник энергии и забросить его на орбиту. Для этого предполагалось использовать лазерные системы. Идея такова: лазеру, способному пробивать корпуса боеголовок, а тем паче – прожигать массивные крышки – щиты советских ракетных шахт, нужна мощная энергетическая накачка. Термин – из языка самих физиков-лазерщиков. В лабораториях на Земле такая накачка шла от мощных источников электроэнергии, от разрядов. Накачкой для «звездных войн» СОВСКИЕ американцы решили сделать ядерные взрывы. Подрывают в специальной установке где-нибудь в Аризоне небольшой термоядерный заряд мощностью в полтонны тротила и передают полученный луч на орбитальную платформу-отражатель с системой наведения на орбиту высотой в 36 тысяч километров над поверхностью планеты. Так, чтобы время обращения спутника вокруг Земли совпадало со временем обращения самой планеты – 24 часа. В результате платформа получалась как бы постоянно висящей над определенным районом планеты.

Американцы утверждали: мы «развесим» платформы-геостационары над местами сосредоточения советских баллистических ракет, создадим пояс обороны на подходах к США. Переданный после взрыва каждого снаряда-накачки лазерный луч улавливался спутником и преобразовывался им в десять боевых импульсов – выстрелов. А система наведения из суперкомпьютеров должна была поразить такой «очередью» десять советских боеголовок, летящих на Штаты.

На самом деле все это был блеф. Систему, подобную СОВСКИЕ, невозможно создать даже сейчас, тем более ее невозможно было создать в то время. При разработке этой системы США наталкивались на множество трудностей. Требовалось, чтобы взрыв устройства в наземной установке был строго дозирован – точно полтонны в тротиловом эквиваленте, и никак не больше. Но американцы не могли добиться такой точности. Мощности взрывов недопустимо колебались. Должно быть, вроде бы, полтонны, а выходило – полторы. Это значило, что космическая платформа – отражатель посланного с Земли лазерного луча – неминуемо будет сожжена. Перегорит, как предохранитель, через которую пошел слишком сильный ток. Это была главная проблема, не считая иных, «помельче», например, трудности в создании устойчивых отражателей луча, способных выдержать чудовищные температурные нагрузки без деформации, которая привела бы к рассеиванию «лазерной нити», или избежание непредвиденных сбоев в сложнейших компьютерных системах управления.

«Модели, созданные на основе нелинейной науки, предложенные американским ученым Дж. Майер-Крессом и его коллегами, стали в свое время аргументом в пользу отказа от планов СОВСКИЕ. Выяснилось, что развертывание такой системы не повысит, а существенно понизит безопасность США. В этой модели есть чувствительность к начальным данным» (Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: «Эдиториал-УРСС», 2001). Проще говоря, не сможешь организовать на Земле ядерный взрыв мощностью точно в полтонны тротила – вся развернутая в космосе система становится бесполезной, превращается в грудку летающего на орбите металлолома.

Теоретически, вывести ядерные генераторы боевых лазеров в космос можно. Но пробивания обшивки советской баллистической ракеты нужно мгновенно сконцентрировать на одном квадратном сантиметре ее поверхности энергию в 20 килоджоулей. Или – ударить по летящей ракете лучом лазера мощностью в один мегаджоуль при диаметре луча не более семи сантиметров. Это при том, что выпущенная ракета не стоит на месте, а мчится со скоростью почти восемь километров в секунду!

Но ведь луч лазера – это не прямая трубка из света. Луч расширяется по мере удаления от его источника и теряет свою мощность. А в «звездных войнах» бить ему надо на огромные расстояния. Ученые подсчитали, что минимальная дистанция поражения для американской орбитальной платформы – тысяча километров. На таком расстоянии лазерный луч диаметром в булавочную головку на выходе превратится у цели в световой

круг площадью до полутысячи километров. То есть в любом случае лишь слабая вспышка озарила бы бок советской ракеты. И на каждый квадратный сантиметр ее поверхности упало бы энергии всего в один джоуль. В двадцать тысяч раз меньше, чем нужно для разрушения самой хрупкой из советских боеголовок. А ведь последние модели головных частей советских межконтинентальных ракет делались из урана-238: очень тяжелого, твердого и крайне тугоплавкого металла. Эти боеголовки могли врываться в плотные слои атмосферы на скорости в 27 километров в час, превращаясь в огненный кокон от трения в плотном воздухе, и при этом не сгорать. Для сравнения: даже массивные каменные метеориты, врезаясь в воздушную оболочку Земли, в большинстве своем просто испаряются от страшного жара.

Американцы откровенно блефовали. Даже если не принимать во внимание так и не решенную проблему точного дозирования взрыва в наземной установке, было просто физически не возможно передать лазерный импульс с ядерной накачкой с Земли на тысячи километров, к орбитальной платформе – он попросту терял мощность в атмосфере и почти совсем рассеивался в космосе. И вдвойне не возможно добиться того, чтобы спутник уловил этот луч и направил его с помощью отражателей на рой летящих советских боеголовок. Даже если вынести ядерный генератор луча на саму боевую станцию, все равно провал! Это не говоря о том, что в случае ядерной атаки были бы выпущены тысячи ложных целей. И уж совсем фантастично выглядели разглагольствования Штатов о выводе на орбиту установок рентгеновских лазеров. Коротко говоря, уже к 1985-му году советские ученые совершенно точно знали, что реализация программы СОИ – не возможна. Однако глава государства, Михаил Горбачев, почему-то панически боялся ее (или делал вид, что боится?).

Между прочим, уничтожить СОИ можно было даже самым примитивным способом. Для этого надо было вывести на орбиту небольшие контейнеры со стальными шариками. С обычным рассеивающим зарядом на борту. Взрыв – и в космосе образовывался рой искусственных метеоритов. Не составляло особого труда сделать так, чтобы они нагнали американскую сверхточную платформу с относительной скоростью в несколько сотен метров в секунду. После столкновения с таким роем огромные спутники Штатов превращались бы в решето. Эту систему ничего не стоило «расстрелять камнями из рогатки». Затраты – копеечные, а результаты – убийственные.

Как бы то ни было, но Горбачев почему-то воспринял планы «звездных войн» всерьез. И задумал поразить весь мир, начав «мирное наступление». Видный советский дипломат Олег Гриневский вспоминает:

«... Вместо реальной, а главное, конкретной программы действий он стал выдвигать помпезные, но пустые декларации. Как заметил один из умнейших советских дипломатов, посол в Бонне В. С. Семенов: «Это как кастрюля с киселем – вроде бы что-то есть. А сунешь руку – и ухватить нечего»... Сравнение помощников президента США и генерального секретаря было явно не в пользу последнего. Оба советника Рейгана по внешнеполитическим делам – сначала Макфарлейн, а потом Пойнксдер, не говоря уж о госсекретаре Шульце, прекрасно владели всеми нюансами, из которых складывается баланс сил в ядерных, обычных и других видах вооружений... Вообще, трудно было представить специалистов в американском истеблишменте, занимавшихся советскими делами, которые не знали бы досконально подобных вещей.

А наши главные советники – А. Н. Яковлев и А. С. Черняев – ничего этого не знали и, главное, знать не хотели... Черняев, к примеру, пишет генеральному длинные письма, ругая на чем свет стоит переговорные позиции, представленные специалистами МИДа и Минобороны для встречи Горбачева с Рейганом. А что нужно для разговора на высшем уровне [по мнению Черняева]? «Ошеломить Рейгана смелостью или даже «рискованностью» подхода к главным проблемам мировой политики». В общем, хотели как лучше, а получилось как всегда... Ошеломили не американцев, а самих себя, когда во время встреч на высшем уровне бездумно сдавали свои позиции. У нас, переговорщиков,

это называется «сливом». Раз готовится саммит, значит, из наших директив вынут все запасные вторые и третьи позиции, заготовленные впрок для глубоко эшелонированного торга, и ни за что ни про что отдадут американцам. Пробовали возражать, но Горбачев ругался:

– В МИДе мыслить по-крупному не привыкли: ковыряются в деталях, боятся, как бы не обвинили в уступчивости, потере лица. Нет широкого шага. А без этого большой политики не получится...» (Гринеvский О. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М.: ОЛМА-Пресс, 2004).

«Поступки Горби с самых первых его шагов на посту главы великой страны свидетельствуют о странностях психики. С одной стороны, он излучает оптимизм и напор. Мол, нипочем нам американские вызовы! Справимся и со «звездными войнами», и с гонкой вооружений вообще. Найдем асимметричные ответы! С другой – он почти сразу же ударяется в панику. Страна на пределе возможностей! Нас разорят и сломают! Надо идти на уступки!

Еще одна черта Горби – вечная спешка. Он все делает впопыхах, в горячке. Мол, надо начать и углубить, а там подумаем, что из этого вышло. Он погрузил страну в лихорадку, в которой отключилось нормальное мышление. Хватай мешки, вокзал отходит! Быстрее, быстрее! А то не успеем! Главное процесс, а цель определим потом! И Горби при этом славился умением любое здравомыслящее начинание доводить до бреда, до абсурда. Если бригадный подряд – то переводить на него всех, вплоть до писателей. Аренда? Всех сделаем арендаторами!

Горбачев обладал каким-то разорванным, хаотическим мышлением. Он не видел сложные явления и процессы в их цельности и сложности. А потому и принимал беспорядочные, взаимоисключающие решения» (Максим Калашников. «Крещение огнем. Борьба исполинов». М.: Аст: Астрель, 2008).

Летом 1985 г. Горбачев распорядился, чтобы Союз в одностороннем порядке прекратил подземные ядерные испытания. Американцы не обратили на это внимания и продолжали свои взрывы на полигоне в Неваде. А на осень 1985 года была намечена встреча генсека КПСС и президента США в Женеве, которая должна была состояться 19 – 20 ноября. Как вспоминает Олег Гринеvский, в сентябре 1985-го шеф МИДа СССР Шеварднадзе посетил Рейгана и передал ему личное послание Горбачева. Генсек в нем изложил свои соображения в связи с грядущей встречей в Женеве. Он предложил американцам договориться о радикальном (наполовину!) снижении численности ядерных вооружений Америки и Советского Союза, способных достичь территории друг друга. Мол, пусть останется у нас по шесть тысяч боеголовок. Во-вторых, Горбачев предложил заключить соглашение по ракетам средней дальности вне связи с проблемами космических и стратегических вооружений.

По сути, Горбачев заранее пускал под откос женевские позиции СССР. Прежде всего, явной наивностью своего предложения. Ведь в трактовке, под ядерными средствами, которые подлежали сокращению наполовину, понималось не только межконтинентальные ракеты, но и американские ракеты средней дальности и даже тактическое ядерное оружие, расположенное на базах в Европе и на Дальнем Востоке. Значит, американцам пришлось бы сокращать примерно вдвое больше оружия, чем Советскому Союзу. Естественно, американцы просто посмеялись над Горбачевым и, как отмечает Гринеvский, объявили его инициативы пропагандистским шагом. Но даже не в этом было главное. Горбачев сразу показал, чего он боится больше всего: «звездных войн», гонки космических вооружений. Рейган и его окружение сразу увидели: вот она, точка, куда нужно бить. Не имея реально ни одного «космического крейсера», имея лишь бумажные планы Стратегической оборонной инициативы, можно ломать Горбачева одними угрозами.

Американцы основательно подготовились к саммиту в Женеве. Рейган читал многочисленные справки по советской истории, политике, экономике и культуре. Он советовался насчет будущих переговоров с Горбачевым с предыдущими президентами

Америки, с Фордом и Никсоном. Вел совещания со специалистами по национальной безопасности – Бжезинским и Скоуфортом, с людьми из Госдепартамента и ЦРУ. Более того, Рейган проводил репетиции встречи с Горбачевым, где роль последнего играл Мэтлок, эксперт Совета по национальной безопасности. Мэтлок старался копировать стиль и манеры Горбачева вести дискуссию.

Одновременно три независимых друг от друга группы американских аналитиков изучали вопрос: что на самом деле происходит в СССР и чего хочет Кремль? Действительно изменить свои основы или просто мирной передышки – чтобы набраться сил и затем начать натиск на Запад? Большинство экспертов склонялось ко второму варианту. Горбачев хочет передышки, но давать ее Советскому Союзу нельзя! Нужно дожимать его, ни на йоту не уступая в вопросе СОИ-«звездных войн». Надо напугать Кремль перспективой безнадежного отставания в гонке вооружений и экономического краха страны. Американцы почувствовали, как реальность стала поддаваться их воздействиям. Отлично подготовленные и организованные в эффективные «коллективные разумы», эксперты США работали куда лучше, чем окружившие Горбачева советники-дилетанты.

К ноябрю 1985 г. американская верхушка смогла выработать позицию в женевских переговорах «Рейган – Горбачев». Прежняя политика США должна проводиться и дальше, неуклонно и твердо. Никаких уступок Москве по «звездным войнам»: США должны и дальше обозначать строительство космической системы противоракетной обороны. Но одновременно надо проверять Горбачева, выясняя возможные изменения советской позиции.

Уже прекрасно зная о том, что советский лидер попытается свести разговор исключительно к проблеме запрета космической гонки вооружений и к перспективе половинного сокращения ядерно-стратегических потенциалов сверхдержавы, советники и соратники Рейгана придумали, как нейтрализовать намерения Кремля, увести разговор в сторону и дать инициативу в переговорах в руки Рейгана. Сотрудник Совета национальной безопасности Дональд Фортъе предложил «региональную инициативу». Мол, есть несколько точек на планете, где антикоммунистические повстанцы сражаются с просоветскими режимами: в Анголе, Камбодже, Эфиопии и Афганистане. США предложат: давайте устроим переговоры между враждующими сторонами при поддержке Америки и СССР, которые при этом обеспечат невмешательство в конфликты со стороны третьих стран. А затем, добившись умиротворения и компромиссов между воюющими, направим в эти точки экономическую помощь. Фортъе прекрасно понимал, что Москва этот план примет без всякого восторга, но зато он сорвет намерения Горбачева посвятить встречу в Женеве исключительно программе СОИ.

Другой ход придумали шеф ЦРУ Уильям Кейси и директор Агентства по контролю над вооружениями Кеннет Эйдельман. Дескать, пусть Рейган, не отказываясь от планов «звездных войн», твердит о том, что они не нарушают никаких договоров, а служат делу мира. И вообще нужно, мол, открыть друг для друга лаборатории в обеих сверхдержавах, работающих по тематике космической обороны, дабы совместно строить СОИ. Предполагалось, что Москва на это никогда не пойдет, зато сама инициатива тотчас выставит Рейгана в глазах общественности настоящим миротворцем.

А что противопоставила этому Москва? Всего лишь попытку принять декларацию о недопустимости ядерной войны (о чем и сам Рейган неоднократно говорил). Дескать, коль удастся ее принять, то все можно выдать за выдающуюся дипломатическую победу Горбачева (Швейцер П. Победа. с. 400 – 401; Гриневский О., с. 288).

Холодным утром 19 ноября 1985 года Горбачев и Рейган встретились на вилле «Водяной цветок» на берегу Женевского озера. Начались переговоры. Рейган начал с комплиментов Горбачеву. Мол, мы с вами – выходцы из маленьких провинциальных городков, но теперь способны повернуть ход мировой истории, США и СССР могли бы быстро найти общий язык, если бы Земле угрожало нападение инопланетян. Горбачев

попытался прервать поток его слов, заявив о том, что можно начать дело с расширения советско-американского научного сотрудничества. Например, по части прогнозирования землетрясений. А то в Калифорнии, по мнению советских ученых, назревает сильное землетрясение. В ответ на это Рейган разразился долгим рассказом об истории калифорнийских сейсмических катаклизмов за последние полторы тысячи лет.

Рейган заговорил о важности соблюдения прав человека, Горбачев – о разоружении. Генсек пытался изобразить из себя воинственного и непоколебимого вождя. Мол, американцам не удастся разорить Советский Союз. «Что бы вы ни делали, нас вам не одолеть!» А дальше опять все пошло по кругу: права человека, «горячие точки» планеты, разоружение. Причем и Рейган, и Горбачев сыпали давно известными положениями и штампами.

Заведя речь о СОИ, Горбачев напирал на то, что космическая гонка вооружений приведет к экономическому краху и США, и СССР. Он заявил, что Москва сделает все возможное, чтобы противопоставить «звездным войнам» более мощное наступательное вооружение, способное прорывать перспективную систему ПРО. Мол, СОИ – лишнее доказательство того, что американцы пытаются обрести стратегическое превосходство и возможность безнаказанного первого удара в возможной мировой войне. Генсек даже пробовал грозить Рейгану, сказав о том, что если в ближайшие полтора года не будут приняты решения о прекращении программ СОИ, то последствия окажутся непредсказуемыми.

Рейган ничуть не испугался. И немудрено: Горбачев каждый раз сводил на нет устрашающий эффект собственных слов последующими фразами. Казалось бы, если ты начал твердить о том, что СССР нейтрализует «звездные войны», так и держись этой линии непреклонно. Но Горбачев уничтожил эффект от собственных наскоков, заговорив о взаимном банкротстве, о непредсказуемости будущего. Ведь если СССР не боится американской СОИ, зачем ему буквально заклинать Рейгана прекратить эту программу?

Вывод у Рейгана и его людей напрашивался только один: на самом деле их «космический блеф» воспринимается Кремлем абсолютно всерьез, он его пугает, и советская верхушка готова идти на очень большие уступки, лишь бы вырвать у США согласие на прекращение работ по СОИ. Ну а всякие воинственные заявления Горби – это так, попытка спасти лицо.

Затем, после перерыва на ленч, последовала вторая встреча. Горбачев удивил американцев, неожиданно заведя беседу о выводе советских войск из Афганистана. Мол, не помогут ли американцы в политическом урегулировании проблемы? То есть генсек с порога выказывал слабость и просил помощи у геополитического противника. Но Рейган тотчас использовал горбачевскую слабинку и стал «наезжать» на него. Разве, мол, только в Афганистане дело? Вы еще вмешиваетесь в дела Никарагуа, Камбоджи, Южной Африки. Горбачев вильнул в сторону и начал опять распространяться по поводу того, что американские планы развертывания СОИ приведут к новому витку гонки вооружений и усилят угрозу ядерной войны. Рейган тотчас начал защищать свои «звездные войны». Так они протянули бессодержательную по сути беседу до перерыва.

Третья встреча проходила в комнате у горящего камина. Здесь Рейган предложил: давайте вообще ликвидируем советские и американские ракеты средней дальности. Оно и понятно: такой шаг был больше выгоден США, чем СССР. Конечно, из Европы исчезнут американские «Першинги». Но зато Кремль лишится могучего средства для сдерживания угрозы со стороны НАТО. К тому же американское предложение не учитывало ядерные силы англичан и французов, равно как и ядерное оружие на авиационных платформах. Горбачев попробовал об этом поговорить, но ни о чем они с Рейганом не договорились, все ушло в песок.

Затем разговор пошел по поводу 50%-го сокращения стратегических вооружений. (У СССР было 2500 зарядов, способных накрыть цели в Америке, а у американцев – 3125 боеголовок, нацеленных на СССР.) И это тоже было на руку исключительно Штатам.

Горбачев согласился с предложением в принципе, но только в соединении с запретом на гонку вооружений. То есть он еще раз показал, чего боится больше всего. Разговор о «звездных войнах» пошел дальше. Рейган говорил, что Штаты будут продолжать работы по СОИ, а СССР может даже сотрудничать с Америкой в этой «оборонительной программе». Конечно же, это совсем не устраивало Горбачева: он-то хотел добиться полного запрета СОИ как таковой. Как и следовало ожидать, американцы на это не шли. Так закончился первый день. Американцы прекрасно поняли: перед ними слабый лидер, поддающийся давлению, какие бы воинственные фразы он ни произносил.

На второй день, 20 ноября 1985 года, переговоры переместились в советское посольство. Рейган и Горбачев начали день беседой с глазу на глаз. Президент США сразу же напал на Горбачева за нарушение прав человека в Союзе. Горбачев не нашел ничего лучше, как заявить о том, что в США нарушаются права негров и женщин. И только потом начал долгий разговор о разоружении. Генсек дал себя увлечь бессмысленной болтовней и снова завел речь о СОИ, показывая страх и нерешительность Москвы. Он снова пытался склонить Рейгана к отказу от планов «звездных войн», но нарвался на страстный монолог американца в их защиту. В конце концов Горбачев сдался, произнеся: «Господин президент, я не согласен с вами, но вижу, что вы действительно верите в то, что говорите...».

Горбачев попробовал вернуться к теме СОИ после короткой передышки. Если Рейган ни в какую не уступает и все-таки хочет развернуть космическую систему ПРО, то почему бы не делать ее в более мягком и приемлемом для Москвы варианте? Это, дескать, совсем не будет для Рейгана «потерей лица». И снова Рейган отреагировал жестко: вопрос о СОИ обсуждению не подлежит! Горбачев даже обиделся, заявив о том, что Рейган его не уважает. По его мнению, миру нужен контроль над вооружениями, а он просто не возможен без ликвидации программы СОИ.

Рейгану это надоело, и он решил перехватить инициативу. Как раз в повестке дня оказалась придуманная американцами региональная инициатива: прекращение войн в Афганистане, Кампучии-Камбодже, Анголе, Эфиопии и Никарагуа. И вот тут американец коршуном набросился на советского лидера. Он обвинял Советский Союз в геноциде афганского народа, мол, СССР сражается с людьми, которые хотят свободы. А в завершение Рейган обвинил Москву в намерении покорить всю планету, вел себя напористо и бесцеремонно. Горбачев стушевался.

Словом, и в посольстве переговоры тянулись безрезультатно, закончившись ничем. Зато американцы, наблюдая за генсеком, все больше понимали, что имеют дело не с «парнем из муки грубого помола», а с нерешительным партаппаратчиком, который поддается давлению. Вечером того же дня госсекретарь США Шульц, взбешенный неуступчивостью советского замминистра иностранных дел Георгия Корниенко (они должны были составить коммюнике по итогам встречи) при Горбачеве заорал, тыча в Корниенко пальцем: «Вы, вы мешаете! Мы не можем иметь дело с вами! Господин генеральный секретарь, мы не можем иметь дело с этим человеком!» Этого было достаточно, чтобы через несколько месяцев убрать неуступчивого советского дипломата с работы (Гриневский О., с. 294 – 295).

Рейган торжествовал. По возвращении домой он личных заметках напишет о Горбачеве:

«Если он действительно желает соглашения по контролю над вооружениями, то это только потому, что хочет сократить бремя военных расходов, которые душат советскую экономику. Это может определять и его противодействие СОИ. Он хочет избежать расходов соревнования с нами».

Горбачев же был обескуражен. Ему почему-то казалось, что он добьется какого-то прорыва...